

117. Ты непременно должен сесть в тюрьму!

23 августа 1999 года, Нью-Йорк, частная больница Парлека.

– Хочешь, чтобы я избил тебя? – чуть задыхаясь, произнёс холодным голосом Ван Ян, чей взгляд был преисполнен небывалой ярости.

Стоявший напротив Коул, улыбнувшись, пожал плечами:

– Давай!

На лице Ван Яна показалась ледяная ухмылка, он внезапно шагнул вперёд, выхватил из рук Коула длиннофокусный фотоаппарат и изо всех сил разбил об пол, после чего с безудержным гневом замахнулся кулаком:

– Твою мать, тебе конец!

Бац! Его кулак безжалостно врезался в щёку Коула, отчего из скривившегося рта последнего вылетел зуб!

31 марта 2001 года, Верховный суд штата Нью-Йорк.

В небольшом зале суда не осталось свободных мест. Среди наблюдателей присутствовало немало журналистов без фотоаппаратов, также пришли оказать моральную поддержку фанаты. Если бы не ограниченное количество мест и не строгие правила, здесь, вероятно, уже бы давно образовалась непроходимая толпа. Между телохранителем и помощником сидела повседневно одетая и накрашенная Джессика с набожным лицом и, сложив руки вместе, молча молилась за любимого человека.

Судейское место занимал пожилой судья Кент Марано в чёрном костюме и со скрупулёзно причёсанными седыми волосами. По его бесстрастному лицу невозможно было понять, о чём он думает. В данный момент он просматривал материалы по делу, лежавшие у него на столе. С тех пор как было проведено первое заседание, ему в этот раз предстояло вынести окончательное решение. В голове у него уже созрел комплекс умозаключений. Он поднял глаза, посмотрел на спокойно молчавшего Ван Яна и сидевшего в другой стороне Коула Лэнгстона, который периодически менял сидячее положение, и произнёс:

– Попрошу сторону обвинения и сторону защиты дать окончательный доклад по делу.

Отвечавший за иск Коула адвокат Уильям Маккалоу встал, поправил свой галстук и, выходя из-за стола, сказал:

– Полтора года назад в этом городе произошёл распространённый насильственный инцидент: мужчина зверски атаковал невинного. В сущности, это судебное дело очень простое, мужчину уже бы давно отправили за решётку, но, в связи с личностью насильника, приговор вынесут только сейчас.

Уильям Маккалоу подошёл к скамье присяжных, взглянул на сидевших там с разными выражениями лица людей и, показывая на Ван Яна, с хмурым видом строго произнёс:

– Я уже вдоволь наслушался от всех, как он спас маленькую девочку. Да, это факт, заслуживающий одобрения! Но затем он избил человека, и это тоже факт! Он спас девочку, совершил правильную вещь, но это не означает, что он получил бесплатную возможность

совершить одно злодеяние! По закону мы обсуждаем именно его злодеяние. Нельзя просто сказать, что правильный поступок компенсирует преступление! Если врач, спасший бесчисленное количество людей, кого-то ударит или убьёт, он тоже должен понести наказание. Тогда почему вот ему можно избежать уголовной ответственности?!

Маккалоу с потрясённым лицом скорым шагом подошёл к судейскому месту и, глядя на бесстрастного Кента Марано, быстро промолвил:

– Потому что он выдающийся режиссёр? Потому что он миллионер? Потому что он молод?! Поэтому он может получить к себе особое отношение?! Может блаженствовать в безнаказанности?

Присяжные, насупившись, погрузились в размышления. Джессика крепко стиснула зубы, жалуясь про себя: «Он выдаёт чёрное за белое!» Её взгляд следом за Маккалоу остановился на стороне защиты, она увидела, как тот, смотря на Ван Яна, качает головой и вздыхает:

– Нет никаких сомнений, что этот молодой человек добился феноменального успеха в некоторых вещах, но это неважно, ибо перед законом все равны! Взгляните на него. Какова его нынешняя позиция? Я не вижу в его глазах ни капли раскаяния, да он даже гордится своим насильственным поступком!

Адвокат ответной стороны Винсент Грант вздохнул про себя. Его соперник был очень умён, прекрасно понимал, как воздействовать на чувства судьи и присяжных, и знал, как взрастить в них мысль “мне нельзя помогать знаменитым и богатым”. Но опытный соперник и нехватка доказательств и свидетелей вовсе не являлись головной болью Винсента и команды адвокатов Ван Яна. Головной болью стала позиция Ван Яна.

В прошлом Винсент сперва предложил внесудебное примирение сторон, но его подопечный без колебаний отверг это предложение. На этапе слушания дела он также предлагал, просил, уговаривал своего подопечного показать судье, что он осознал свою ошибку, понял, что нельзя нападать на людей, когда заблагорассудится, чтобы тем самым снискать сочувствия. Сегодня перед началом заседания Винсент опять напомнил: «Ян, от твоей позиции напрямую зависит исход этого дела! Заставь себя раскаяться и скорбеть, не будь таким упрямым». Но всё было без толку, теперь ещё и сторона обвинения атаковала, ухватившись за этот ключевой пункт.

Глядя на совсем не изменившегося в лице Ван Яна, что сидел рядом, Винсент вздохнул. Ну что за упрямый тип! Заметив, что Уильям Маккалоу уже закончил свою речь, Винсент напоследок заглянул в лист, где было написано слово “позиция”, встал и сказал:

– Мой подзащитный действительно знаменитый, выдающийся молодой человек, но должен всех уведомить, что есть не только хорошее “особое отношение” к нему, но и плохое.

Подойдя к присяжным, он развёл руками и спросил:

– Неужели из-за того, что он общественная знаменитость, он заслужил строгую дискриминацию? Разве можно полностью стереть его хорошую сторону?

Присяжные тут же обменялись растерянными взглядами, а Винсент продолжал:

– Всем известно, что мой подопечный проявляет горячий интерес к благотворительности. Он пожертвовал Фонду защиты детей 5 миллионов, Фонду поддержки и защиты подростков 10 миллионов, Центру помощи женщинам с детьми 10 миллионов!

Винсент подошёл к судейскому месту и, глядя на пожилого судью, с чувством произнёс:

– Я упомянул эти вещи лишь для того, чтобы показать, что он не тот человек, что готов без всякого повода пойти на жестокость, нет! Наоборот, это добрый человек с чувством справедливости.

Сидевшая на месте наблюдателя Джессика без конца молча кивала головой. Винсент говорил:

– Он нанёс мистеру Лэнгстону побои под влиянием гнева, а разгневан он был тем, что пока совершал правильное и великое дело по спасению человека, мистер Лэнгстон мешал ему. Вот полная картина! Об этом пункте мы уже говорили довольно много.

Он снова вздохнул, постепенно успокоился и подвёл итог:

– Закон создан, чтобы наказывать плохих людей. Если в порыве гнева избил плохого человека, что мешал спасению другого человека, преступление ли это? Что же это за преступление?

Он посмотрел на присяжных, взглянул на судью и в замешательстве вымолвил:

– Что это за преступление? Наказывать за справедливость? Наказывать за спасение человека?

По прошествии продолжительного времени он наконец кивнул, сказав:

– Ваша честь, господа, я закончил.

Договорив, он сел обратно на своё место.

Кент Марано по-прежнему не изменился в лице. Проглядывая материалы дела, он кое-что обдумал, затем взглянул на сидевшего неподалёку Ван Яна и сказал:

– Молодой человек, за прошедшие полтора года мы виделись неоднократно, я тщательно изучил твой случай. Ты, бесспорно, неординарный юноша, но каждое судебное дело обладает самостоятельностью. В данном случае мы рассматриваем того тебя из 23 августа 1999 года. Если бы ты вернулся в тот день, ты бы опять избил мистера Лэнгстона?

«Ну же, Ян!» – кричал про себя Винсент и ногой легонько пнул Ван Яна. Этот ответ будет чрезвычайно важен, необходимо раскаяться за потерю контроля над собой!

Джессика плотно сжала губы, надеясь, что Ван Ян поступит так, как советовал ему адвокат, и испытывая за него обиду и тягость на душе.

А фанаты думали, что волшебному юноши следует и дальше быть жёстким и крутым, незачем уступать и быть размазнёй!

Ван Ян неторопливо встал, даже мельком не взглянув на Коула, и, посмотрев судье прямо в глаза, ответил:

– Да, избил бы.

Винсент от безысходности закрыл глаза, полагая, что это фиаско. Сердце Джессики словно пронзили чем-то острым: «Ян, почему ты такой упрямый...» Фанаты сжали кулаки, журналисты приняли заинтересованный вид, будто наблюдали за развлекательным шоу, и записали в свои блокноты слова Ван Яна. Коул и Маккалоу же тайком порадовались.

- Считаешь себя абсолютно правым в этом деле? – слегка нахмурившись, уже суровым голосом спросил Кент Марано. – Если бы охрана тогда не оттащила тебя, что бы ты сделал? Продолжил избивать? Нанёс бы истцу тяжёлые повреждения? Или непосредственно лишил бы его жизни?

Ван Ян покачал головой:

- Нет, я бы такого не допустил.

Правда, он бы сломал Коулу руки, после чего тот бы несколько месяцев пролежал в гипсе. Ван Ян вспомнил тот день. Перед глазами отчётливо предстала отвратительная физиономия Коула. Идти с этим подонком на компромисс? Нет! Никаких компромиссов! Он, глядя на судью, искренне произнёс:

- Я не говорю, что я абсолютно прав, но я не сожалею о сделанном мною выборе. Избиение человека – это плохой поступок, но бывают такие времена и такие люди, что ты вынужден распустить руки.

Это незаконно, – он пожал плечами и посмотрел на Коула, с отвращением говоря: – Но тебе требуется так поступить, ты обязан так поступить! В противном случае на всю жизнь останешься размазнёй и трусом. А когда состаришься, будешь думать: «Почему я тогда ничего не предпринял и как следует не поколотил ту сволочь?» Но у тебя больше не будет такого шанса, тебе придётся с этой досадой отправиться в рай...

«Хватит, достаточно!» – Ван Ян сделал несколько глубоких вдохов, заставив проглотить слова, которые ему хотелось ещё сказать. Он вымолвил:

- Я закончил.

На старческом лице Кента Марано не проявилось никаких эмоций. Стукнув деревянным молотком, он сообщил:

- Объявляю перерыв, через пятнадцать минут вынесение приговора.

Договорив, он встал и ушёл в служебное помещение суда. Присяжные тоже следом встали и удалились.

В зале суда тотчас поднялся галдёж. Фанаты чрезмерно возбудились от недавней речи волшебного юноши. Журналисты тоже пребывали в хорошем настроении, понимая, что получили ценный материал, который принесёт им деньги. Однако Винсент Грант выглядел недовольным. Он обратился к Ван Яну:

- Ян, что ты делаешь? Твои слова и твоя позиция приведут к серьёзным последствиям!

Ван Ян, сохраняя спокойствие, сказал:

- Прости, я всего лишь говорю то, что хочу.

Серьёзные последствия? Не посадят же его на электрический стул? Посадят только в тюрьму. Ван Ян улыбнулся. Может, он и повёл себя по-детски, но это того стоило. Однако...

Обернувшись назад, он посмотрел в сторону наблюдателей и увидел натянутую улыбку Джессики, пропитанную явной тревогой. Ван Ян попытался утешить её, показав ей большой палец, и на него сразу нахлынула мучительная печаль. Если его признают виновным, то пусть даже ему назначат общественные работы, родители, Джессика и все, кому он не был

безразличен, станут тяжело переживать, а ему не хотелось этого.

Пятнадцать минут пролетели быстро. Присяжные и Кент Марано цепочкой пришли в зал. Последний сел на судейское место, все присутствующие напряжённо выпрямились, пожилой судья спокойно объявил окончательное решение:

– Данное судебное дело весьма сложное. Обвиняемый – молодой человек в полном расцвете сил, с обострённым чувством справедливости. В порыве гнева он прибег к грубой силе против истца и нанёс тому телесные повреждения. Были учтены провокационное поведение истца и тот факт, что обвиняемый спас человека...

Глаза Джессики совершенно не моргали, сердце готово было вот-вот остановиться. С Яном ведь всё будет в порядке? Она молча произнесла: «Господь милосердный, пожалуйста, помоги нам!»

Кент Марано продолжал:

– Хотя закон строг и не позволяет правильными поступками покрывать ошибки, тем не менее он создавался ради порядка в обществе. Коллегия присяжных прежде склонялась к невиновности ответчика, но...

Журналисты и фанаты моментально выпучили глаза, несколько человек даже вопреки этикету громко ахнули. Джессика замерла, лицо перекосилось. Ян виновен?!

– Тишина в зале! – Кент Марано стукнул молотком и, глядя на молчавшего Ван Яна, продолжил: – Ответчик совершенно не раскаивается, он не считает, что совершил что-то неподобающее, он настаивает на своей правоте относительно избиения человека, даже свысока смотрит на суд. Такая позиция вызывает досаду. Коллегия присяжных постановила признать ответчика Ван Яна виновным в умышленном причинении вреда здоровью.

Услышав это, все, несмотря на то, что уже догадались, пришли в шок. Журналисты и фанаты растерянно переглянулись. У волшебного юноши проблемы! Какое наказание он получит? Денежная компенсация, принесение извинений, условное осуждение? Джессика удручённо схватилась за лоб, Коул невольно расплылся в улыбке, Ван Ян сидел с каменным лицом, а у Винсента был несчастный вид: стоило его подопечному хотя бы немного раскаяться, и результат был бы в корне другим, но теперь они потерпели поражение.

– Принимая во внимание неподобающую позицию виновного, суд считает, что он должен получить достойное наказание, чтобы он мог как следует переосмыслить себя. Поэтому приговор следующий... – Марано сделал паузу, окинул взглядом присутствующих, чьи лица выражали разные эмоции, и объявил: – Виновный Ван Ян должен компенсировать выигравшей стороне, Коулу Лэнгстону, 300 тысяч долларов.

Коул разочарованно взялся за голову. Почему всего 300 тысяч! Марано тем временем продолжил:

– Кроме того, Ван Ян приговаривается к 150 дням тюремного заключения, условное осуждение и освобождение под залог недопустимы. Виновный отбудет наказание в тюрьме Райкерс, решение вступает в силу незамедлительно!

Тюремное заключение на 5 месяцев! Нет условного осуждения, нет освобождения под залог, а решение вступает в силу незамедлительно?! Джессика почувствовала головокружение, сидевший рядом помощник поспешил придержать её. Она оступело уставилась в спину сидевшего впереди Ван Яна, бормоча:

- Боже, боже, как быть!

Фанаты тоже обалдели, никто не ожидал такого сурового приговора от судьи. Волшебного юношу посадят на 5 месяцев?! Тогда в этом году не то что не выйдет его новая режиссёрская работа, но, вероятно, даже не удастся посмотреть «Лапочку», вот чёрт! Пусть даже завтра или в скором времени он каким-то чудом выйдет из тюрьмы, сейчас они понимали, что их кумира вот-вот посадят, поэтому их настроение было хуже некуда.

- Ваша честь! - торопливо подняв руку и встав, заговорил Винсент Грант. - Я возражаю, это слишком тяжёлое наказание, у моего подопечного чистое досье, нет никаких судимостей, почему он лишён права освободиться под залог?!

Кент Марано со строгим видом произнёс:

- Возражения не принимаются, можете обжаловать решение, но на этом заседании приговор уже вынесен окончательно.

Он посмотрел на Ван Яна и вспомнил о недавней волне беременности, захлестнувшей несовершеннолетних школьников. В груди резко вспыхнуло пламя негодования, но он вынес судебное решение вовсе не из-за этого. Ему казалось, что такое решение необходимо.

- Молодой человек, - проникновенно говорил он, - ты непременно должен сесть в тюрьму! Ты должен осознать, что натворил, необходимо направлять своё "кунг-фу" в правильное русло. Я не хочу, чтобы ты под старость лет обнаружил себя в тюрьме, иначе будешь сильно раскаиваться.

Ван Ян молчал. Такое наказание стало для него неожиданностью. Это означало, что его вот-вот отвезут и заключат в тюрьму Райкерс, где он вдобавок теоретически пробудет 150 дней. «Оскар», чемпионат NCAA - вся его прежняя жизнь значительно отдалится от него... Хотя он все равно не раскаивался, ему ещё никогда не было так паршиво на душе. Как ему утешить любящих его людей?

В этот момент подошли два крепких судебных пристава с наручниками. Один из них, чернокожий мужчина, сказал:

- Сэр, вы сейчас можете убрать все ценные вещи или оставить их на хранение в тюрьме Райкерс.

- Я обжалую решение, - подбодрил Ван Яна Винсент, похлопав его по плечу. - Потерпи немного, максимум завтра уже сможешь выйти.

- Хорошо, я в порядке! - Ван Ян встал, у него не было никаких ценных вещей, чтобы их отдавать, однако... Он повернулся к наблюдателям, в его поле зрения была только девочка по имени Джессика. Он улыбнулся, крикнув:

- Любимая, обо мне не беспокойся! Позаботься о себе!

Договорив, он стал посылать ей руками воздушные поцелуи. При виде этой сцены несколько фанаток завизжали, Кент Марано с суровым лицом стукнул молотком, потребовав:

- Тишина! Тишина! Судебные приставы, уведите виновного.

Джессика постаралась сохранить упорную улыбку и молча наблюдала, как приставы надели на

Ван Яна наручники и повели его по дорожке для виновных. Сердце охватила такая жуткая боль, что ей казалось, будто она сейчас потеряет сознание. За почти 20 лет своей жизни она не испытывала такого ощущения, словно навсегда потеряла его, потеряла самого дорогого ей человека...

Видя, что Ван Ян почти ушёл, она не выдержала и выкрикнула:

– Ян, что бы ни случилось, я всегда буду любить тебя!

Сопровождаемый двумя приставами Ван Ян остановился, обернулся и, улыбнувшись ей, крикнул:

– Я тоже!

Когда силуэт Ван Яна пропал, она зарылась лицом в ладони, слёзы ручьём полились из покрасневших глаз. Она напрягла все силы, чтобы подавить плач. В ушах смутно раздавался ласковый голос: «Тебе, наверное, пригодится это...»

Журналисты же поспешили встать и уйти. Покидая зал суда, они суетливо повывтаскивали установленные на беззвучный режим мобильники и совершили звонки: «Слушай, волшебного юноша собираются немедленно посадить в тюрьму! Его арестованного сейчас выводят наружу, приготовься, надо обязательно заснять, как он садится в автозак!», «Живо публикуй главную новость на сайте! Арест на 150 дней, без условного осуждения и выхода под залог! Поторопись, мы должны незамедлительно добыть его фотографии под арестом!», «Запоминай, он сказал: “Это незаконно, но тебе требуется так поступить...”», «Не забудь написать про Джессику, она плакала! Напиши, что убита горем...»

Ван Ян, естественно, не знал о реакции внешнего мира. После того как он покинул зал суда, его под стражей усадили в автозак и повезли сразу в тюрьму Райкерс.

Райкерс являлась одной из основных тюрем Нью-Йорка, занимала площадь 1,672 квадратных километра, в среднем там ежедневно находилось 14 тысяч заключённых. По прибытии туда Ван Ян прошёл регистрацию, затем получил свой номер заключённого “18394”, отдал личные вещи, переоделся в голубую тюремную форму, оставил отпечатки пальцев и дал сделать фотографии под арестом. Далее он прошёл тщательное обследование, после чего, взяв с собой выданные ему тюремные предметы обихода, в сопровождении надзирателей прибыл в Центр Анны Кросс, этот тюремный корпус предназначался для совершеннолетних преступников-мужчин.

Пусть Ван Ян и являлся “самым молодым мультимиллионером” и “самым молодым номинантом «Золотого глобуса» за лучшую режиссуру”, он не мог получить никаких особых привилегий. Тем более Кент Марано в приговоре написал: «Исполнить со всей строгостью». Администрация тюрьмы отнеслась к нему как к обычному заключённому и собиралась поместить его в двухместную камеру с другим заключённым.

Держа в руках одежду, зубную щётку, стаканчик для полоскания рта и другие принадлежности, Ван Ян шаг за шагом приближался к своей камере. Заключённые в камерах, что располагались по бокам коридора, зашумели: «Лучший режиссёр!», «Голливудский пацан!», «У тебя реально горячая подружка!»

Ван Ян тихо вздохнул, говоря себе, что не нужно злиться. Он вдруг вспомнил слова старика У, которые в итоге сбылись: «У тебя драчливый характер, рано или поздно ты сядешь за решётку! Так что не удивляйся, что учитель не обучает тебя смертельным приёмам. Иначе, боюсь, тебя

расстреляют!»

Ван Ян с улыбкой покачал головой. В то время он ещё в шутку отвечал: «Да где меня расстреляют, максимум посадят на электрический стул!»

– Это твоя камера, не буянь, – белокожий надзиратель с небольшим пивным пузом открыл решётку камеры №149 и с усмешкой промолвил: – Но, думаю, вы вдвоём легко найдёте общий язык.

Договорив, он, стуча дубинкой по решёткам, пошёл прочь и громко выкрикнул:

– Замолкли все, паразиты, чтоб вас!

Решётка камеры со щелчками автоматически закрылась. Ван Ян с каменным лицом огляделся и, простояв в оцепенении некоторое время, посмеялся над собой. Вполне возможно, что в этой комнатухе ему придётся проторчать 150 дней.

Светлое белоснежное помещение было прямоугольной формы, площадью не более 9 квадратных метров, справа у стены стояла двухъярусная кровать, впереди виднелись прочно закреплённые к полу письменный стол и стул, рядом с выходом имелись серебристый умывальник из нержавеющей стали и унитаз. А ещё присутствовал небритый белый мужчина в голубой тюремной форме, что сидел на краю кровати.

– Привет, волшебный юноша... – сиплым голосом сказал мужчина и протянул Ван Яну руку.

Ван Ян пожал ему руку:

– Привет.

Он пригляделся к мужчине и внезапно обнаружил, что его лицо очень знакомо, в голове мгновенно всплыло несколько изображений, и он с недоумением невольно спросил:

– Роберт Дауни-младший?

Мужчина сперва растерялся, а в следующий миг весело хихикнул, вымолвив:

– Вот уж не думал, что кто-то помнит такого лоха, как я.

Роберт Дауни-младший:

Фотография под арестом в 2001 году: